

Названия обуви в древнерусском языке

Историки материальной культуры указывают, что обувь восточных славян, по крайней мере сельского населения, делалась обычно из лыка. Правда, само название такой обуви *лапотъ* не отмечено в наших древних письменных памятниках. Но, вне всякого сомнения, оно существовало в языке. Об этом свидетельствует производное существительное *лапотникъ*: «ре(ѣ) Добрына Володимеру. съглядахъ колодникъ. оже суть вси в сапозѣхъ симъ д(а)ни намъ не даяти. поидемъ искати лапотниковъ» (Лаврентьевская летопись. 1377).

Не менее распространенной, особенно среди городского населения, была кожаная обувь — в первую очередь сапоги, которые в приведенном примере из летописи противопоставляются лаптям. Как показали археологические изыскания А. В. Арциховского, в древнем Новгороде остатки кожаной обуви принадлежат к самым частым находкам: при множестве найденных фрагментов кожаной обуви следы лаптей были обнаружены только один раз. В памятниках письменности слово *сапогъ* встречается неоднократно: сапоги костини (берестяная грамота № 141 из слоя XIII в.); босия сапогы съметавъше поскочиша (Новгородская I летопись. XIII—XIV вв.). Относительно происхождения слова *сапогъ* имеются различные мнения, разбор которых можно найти в монографии финского языковеда И. Вахроса «Наименования обуви в русском языке» (Хельсинки, 1959) и в статье А. С. Львова об этом слове («Этимологические исследования по русскому языку». Вып. IV. М., 1963).

Если мы предполагаем, что в оригинальных русских произведениях слово *сапогъ* обозначало вид кожаной обуви с высоким голенищем, то несколько иное значение было в переводных тек-

стах — в евангельской цитате: «нѣсмъ достоинъ разрѣшити ремень сапогу его» (Чудовской сборник. XIV в.). Здесь слово *сапогъ* имеет, по-видимому, значение 'обувь с завязками, ремнями'. Дело в том, что *сапогъ* в переводных текстах служит для передачи греческого *hupodēma, atos*, которое уже в древнегреческий период обозначало и сандалий, и башмак, и сапог, то есть разную обувь: «поясы жваху и сапогы и кожь щитные ядыху въздирающе» — *hupodēmata* (Хроника Георгия Амартола. XIII—XIV вв.).

В Древней Руси была известна также и кожаная обувь типа башмаков — прабошны, черевье: «егда же приспѣяше зима. и мрази лютии, станяше в прабошня(х) в черевья(х) в протоптаны(х)» (Лаврентьевская летопись). В более поздних списках «Повести временных лет» вместо слова *прабошень* находим слово *богъ*. Существительное *прабошень* с трудом поддается этимологизации, но все же большинство исследователей считают, что его следует производить от корня *бос-*. Что касается другого названия башмаков — *черевье*, то это слово обозначало обувь, которая делалась из мягкой кожи с брюха животного, и связано оно по происхождению со словом, обозначавшим брюхо, чрево (ср.: черевички).

В переводных памятниках встретилось слово *плесньць* (плесньце), также обозначавшее башмак (от **plesna* 'часть ступни между пяткой и пальцами'): «и плесньци тѣхъ глубоци же и высоки пяты имуща» (Устав Студийский. XII—XIII вв.).

Но самым распространенным в языке переводных памятников названием башмака, обозначавшим в основном монашескую обувь, было слово *калига*: «в видѣвъ же и егюптянинъ... възглавицю малу имяше. и нозѣ чистѣ въ калигахъ» (Лобковский пролог. XIII в.); «Имѣх бо. и постелицю худу и не теплу но и то зимно. и не велико но мало сапог же и калигъ» (Огласительное поучение Феодора Студита. XIV в.). Это заимствованное слово восходит к латинскому *caliga*, а в наших текстах оно передает среднегреческое *kaliga* и *kalika*.

Интересна дальнейшая история этого слова в славянских языках. В чешском за ним закрепилось значение не 'вид обуви', а 'вид одежды, брюки' (*kalhoty*). Позднее, уже в наше время, оно было вновь заимствовано современным русским языком: колготы — 'вид женской или детской трикотажной одежды для нижней части тела и ног, включая ступни'.

Только в переводных памятниках XI—XIV веков употреблялось существительное *сандалии* (от греческого *sandalion*), обозначавшее особый вид обуви — подошву, привязываемую к ступне ремешками: «аще его бѣды постигнуть нти въ страну. да наложить сандалиа. аще ли есть въ клѣти своени да не носить ихъ»

(Синайский патерик. XI в.). Сандалии в древности были непременным атрибутом монашеского облачения. Именно эта обувь, кстати сказать, символизировавшая монашескую кротость, выдавалась в древности монахам при пострижении — обычай, заимствованный у византийских церковников и постепенно утратившийся из-за сурового русского климата. В русском быту слово *сандалия* как название летней кожаной обуви вновь появляется в относительно недавнее время.

В роли общего термина в языке ранних памятников письменности, как и в наше время, употреблялось слово *обувь* (от глагола *обути*): «въ чресла препоясани въ обувъ обьвени» (Сочинения Григория Богослова. XIV в.). В ряде случаев оно синонимично слову *сапогъ*, которое, как отмечено выше, иногда употреблялось в значении родового термина: «брашна липени бышна. и питья. и сластии. и ризь тонкихъ. и обуви добрыя» (Огласительное поучение Феодора Студита).

В том же памятнике встретилось синонимическое образование *обуевье*. В тексте начала XV века отмечено слово того же корня *обуца*: «изуи обуцю ногу твою» (Палея. 1406). Более поздний список Палея дает в том же контексте вариант *онуци*. Значит, существительное *онуца* (собственно русский вариант *онуча*) также имело общее значение обуви «босаго есть онуча яже у тебе изгниваетъ» (Пандекты Никона Черногорца. 1296). Но и характерное для русского литературного языка и народных говоров значение этого слова «онуча, отрезок ткани для обертывания ноги» также было свойственно языку памятников древнерусской письменности: «и на онучь растерганъ будещи» (Новгородская кормчая. 1282).

В упомянутой книге И. Вахроса предполагается, что слово *онуча* или *онуца* (из * *onutja*) первоначально означало примитивную обувь, которой обертывали ногу. Затем появилась верхняя обувь — *обуца* (из * *obutja*), которую обували поверх онучи. В работах последних лет слово *онуча* связывается с глаголом *нутить* «окручивать» (см.: В. В. Колесов. — «Этимологические исследования по русскому языку». Вып. V. М., 1966).

Подводя итог, можно сказать, что группа названий обуви, употребляемых в ранних древнерусских памятниках письменности, состоит в основном из исконно славянских слов *обувь*, *онуча*, *пласньць*, *прабошьнь*, *черевье*, [*лапотъ*], а также, возможно, и *сапогъ* (правда, со спорной этимологией). К числу грецизмов, попавших в русский язык очень давно, относятся лишь два слова — *калига* и *сандалии*.

Г. Н. ЛУКИНА